

О незавершимости семиотического знания

Н.С. Сироткин
ЖУРНАЛ «ФУТУРУМ АРТ»

Стандартный ответ на вопрос «Что такое семиотика?» – «Наука и знаках и знаковых системах» – это, собственно, не ответ, а лишь откладывание, обещание ответа. Сколько семиотистов (воспользуюсь словом, предложенным Т.В. Борисовой), столько и семиотик; каждая из них по-своему отвечает на вопросы «Что такое знак?», «Где границы семиотики?», «Где границы знакового?»

До сих пор нет ясных общепринятых критериев в том, что касается фундаментальных понятий семиотического знания; нет общепринятых критериев для различения знакового и не-знакового. Даже литературоведение, одна из самых неточных наук, может отличить литературу от не-литературы хотя бы по тому, что литературу читают, или хотя бы издают, или хотя бы называют литературой. Но знаки ведь вовсе не обязательно называть знаками, чтобы они стали знаками; во всяком случае, в семиотике принято полагать, что знаки как-то можно *отличить* от не-знаков. Демаркация предмета – первый шаг науки. Семиотика до сих пор не сделала этого шага; точнее, семиотисты разошлись и продолжают расходиться в разных направлениях.

Одно из следствий такого положения дел – институциональная неопределенность семиотики: существует международная и ряд национальных семиотических ассоциаций, проводятся конгрессы, а преподается семиотика – эксплицитно, как семиотика, а не как литературоведение или «наука о культуре», Kulturwissenschaft, – только в Эстонии, если оставаться в границах Европы; а вне Европы – в отдельных университетах Канады, США, Бразилии. В чем причина такого положения дел?

Речь идет не о семиотике вообще, но о ее сегодняшнем состоянии. Сегодняшнюю семиотическую науку можно разделить на три ветви. Одна из них, наиболее интенсивно и наиболее, так сказать, беззаботно развивающаяся (главным образом за рубежом), – прикладная семиотика: это исследование языка жестов, работы в области зоосемиотики, социосемиотики, в сфере маркетинга (это направление – самое прибыльное – отчасти представлено и у нас),

технологии рекламы и т. п. Прикладная семиотика не может (и не хочет) опираться на широкую семиотическую теорию: такой теории в законченном или хотя бы оформленном виде не существует. То, что делается в сфере прикладной семиотики, ждет поэтому часа, когда теоретики придут к более или менее удовлетворяющему всех согласию.

Хотя не существует широкой семиотической теории, существуют проекты – великие проекты семиотического знания. Ч. С. Пирс и Ф. де Соссюр: эти имена можно использовать как обозначения двух других направлений современной семиотики. На семиотических конгрессах одни докладчики представляют результаты конкретных прикладных разработок и исследований, другие говорят на языке Пирса, третьи – на языке последователей Соссюра, а совмещение этих языков если и происходит, то неизбежно лишь поверхностное.

Я думаю, именно эта особенность двух учений, о которых идет речь, – их незавершенность, хочется сказать – принципиальная незавершенность, – и не позволяет ученым уверенно сделать первый главный шаг или, сделав его, не оглядываться постоянно назад.

В сосюрском «Курсе...» собственно семиологии уделено всего несколько страниц; задача этой науки формулируется скромно: изучить «жизнь знаков в рамках жизни общества» и «открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются» (Соссюр 1971: 54). Более важную роль сыграло сосюрское представление о языке: семиозис¹ до или вне языка назван у него «аморфным и непознаваемым» (Там же: 144). В этом легко увидеть ограничение задач отдельной науки – лингвистики; однако, с другой стороны, лингвистика, по Соссюру, «может служить моделью (*patron générale*) для всей семиологии в целом, хотя язык – только одна из многих семиологических систем» (там же: 101). Что должно произойти с доязыковой действительностью при расширении семиологии на несобственно лингвистические сферы, в «Курсе...» прямо не говорится; что действительно произошло при таком перенесении, известно: эта действительность так и осталась аморфной и непознаваемой, она исключена, точнее, исключается из семиологического рассмотрения. Область внеязыкового, или внетекстового, постепенно сокращалась за счет расширения сферы семиотического, пока наконец, в эпоху постмодернизма, вообще не исчезла. «Грамматология» Ж. Деррида, где суждения о языке становятся суждениями о мире, непосредственно опирается на тезис Соссюра, согласно которому мышление без языкового выражения «представляет собою аморфную, нерасчлененную массу [...], где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка» (Там же: 144). Научный метод восторжествовал: он подчинил себе все, о чем можно говорить, а то, о чем сказать нельзя, лишил существования. Эта стратегия продолжает действовать сегодня в постмодернистской филологии, культурологии, философии.

¹ Я принимаю положение, согласно которому действительность есть то, что производится в процессах семиозиса (ср. трактовку понятия «действительность» в теории радикального конструктивизма в когнитивистике – см., в частности, Maturana & Varela 1980 или Матурана 1996). Поэтому «семиозис» и «действительность» в статье – синонимы.

Великий проект Соссюра заключается в том, чтобы дать единый язык культуре. Тот же проект иначе создавал Фрейд, по-своему формулировал Ельмслев и структуралисты, единый язык – уничтожающий другие, встающий на место других – вырабатывался тоталитарными государствами, сейчас на этом языке говорит массовая культура: соссюрианство – не история лингвистики, не история науки, соссюрианство – это проект XX века, Утопия Нового времени. Сейчас в лице постмодернизма соссюрианство говорит о своей принципиальной незавершенности и незавершаемости, стремится превратить историю в семиологию, чтобы спастись таким образом от конечной – исторической – оценки, называя себя порождением естественной логики истории, более того, замещением истории. Поэтому и нельзя здесь ясно определить понятие знака: в этом проекте важно не содержание знаковых процессов, механизмов, операций, важен метод оперирования со знаковым, а знаковым – семиотичным – объявляется все.

Аналогично строится другое великое семиотическое учение – учение Пирса. Пирс дает множество определений семиотики, ряд дефиниций знака, в которых трудно не найти противоречий; и несмотря на эту неопределенность в базовых понятиях, его система функционирует логично и последовательно. «Мне еще никогда не удавалось исследовать что-нибудь, – писал Пирс, – не рассматривая этот предмет как объект семиотических штудий, будь то математика, этика, метафизика, гравитация, термодинамика, оптика, химия, сравнительная анатомия, астрономия, психология, фонетика, экономика, история науки, вист, мужчины и женщины, вино или метрология» (Semiotic 1977: 85). Его метод, его «триадо-мания», выделение трех компонентов знака – репрезентант, объект, интерпретант, – которые с полным правом можно считать не элементами знака, а аспектами его функционирования, то есть опять-таки методом анализа, – сам его метод работает в качестве магнита, структурирующего все, что попадает в поле его действия. Пирс не ограничил себя «социальными фактами», в отличие от Соссюра (1971: 54-55): на логические и семиотические труды Пирса огромное влияние оказали его занятия химией и метеорологией, а его семиотический метод позволяет ученым работать над созданием зоо-, био- и даже физикосемиотики. Сама неопределенность, противоречивость проекта Пирса, постоянно бросающаяся в глаза незавершенность – большинство его трудов так и остались в набросках и черновых вариантах – позволяет, тем не менее, увидеть действенность его метода: достаточно начать исследование – неважно, в какой области, – чтобы обнаружить знаки, знаковые процессы, взаимодействия, увидеть постоянно повторяющиеся связи, механизмы, иерархию.

Учение Пирса – это семиотическая философия, включающая в себя и семиотическую онтологию. «Энтелехия бытия заключается в том, чтобы быть представленным» (Peirce 1988: 55), – писал Пирс. Понятие знака, таким образом, заложено для него в самом бытии, представляет собой «истину бытия»; сам универсум «имеет объяснение, функция которого – как и всякого логического объяснения – заключается в объединении наблюдаемого разнообразия данного универсума» (Ibid.: 152). Семиотика Пирса стремится к тому, чтобы найти «объяснение универсума», чтобы понять реальный универсум, реальную действительность как язык, содержащий информацию о себе самом. Речь идет

об идеале «финальной интерпретанты» – идеале абсолютно полного, окончательного знания о действительности. «Финальная интерпретанта» «есть то, что *было бы* определено в конце как истинная интерпретация, если бы рассмотрение вопроса продолжалось до тех пор, пока не будет достигнуто окончательное мнение» (СР 8, § 184). Вселенная становится у Пирса единым языком, который может раскрыть людям тайны жизни, который сам раскрывает и объясняет себя: «Цель бытия и высшая реальность есть живое олицетворение порождаемой эволюцией идеи». Если в проекте Соссюра несемиотическое объявляется несуществующим для науки, для Логоса, то в проекте Пирса сама Вселенная – это живой Логос, и несемиотическое в ней просто невысказано; в конечном счете эти проекты смыкаются. Их главная особенность даже не в стремлении к тотальному знанию, к тотальности знания о мире, но в том, чтобы поставить знание – пусть несовершенное, но бесконечно приближающееся к идеалу полноты, тотальности – на место реальной действительности, растворить действительность в модели.

Может быть, ситуация в современной семиотике – ее неопределенность, в том числе институциональная, шаткость ее основополагающих понятий, позволяющая, однако, разрабатывать все новые, самые разные направления, преобладание прикладных исследований над теоретическими при очевидной неразработанности базовой теории – и есть следствие устремленности к этому идеалу? Речь идет о том, чтобы рассматривать сам семиотический анализ конкретного материала как постепенное – принципиально незавершенное – выстраивание базовой семиотической теории. Неоднородность аналитического языка современной семиотики в этом отношении, возможно, имеет второстепенное значение: семиотика становится семиотической деятельностью. Это не столько определенные действия над определенными объектами, сколько формулирование алгоритмов, в пределе – исключительно общих, математика культуры.

Последствия, к которым должен привести соссюровский проект, обрисованы в «Грамматологии» Ж. Деррида: речь идет о принципиальной невозможности полного знания, о его изначальной ненадежности и неопределенности. Противоречивость идеала «финальной интерпретанты»², возможно, ощущалась самим Пирсом: это могло бы объяснить его прагматистскую ориентацию, исключительное значение концепции «хабитуса» (habit) в его философии – финальная интерпретанта должна выразиться в (несемиотическом) действии. Осуществление идеала семиотического знания либо объявляется невозможным, либо выводит нас за пределы семиотики.

Теорема Геделя – показанная им несовместимость требований полноты и непротиворечивости (для формальных систем) – оказывается верной в отно-

² «Подлинной конечной интерпретантой» является, по Пирсу, не какой-либо новый семиотический феномен – он порождал бы все новые интерпретанты, – но «целенаправленно (deliberately) формируемый, сам себя анализирующий хабит (self-analyzing habit)» (СР 5, § 491). Будучи «последним», «окончательным» знаком, такой знак не может производить собственную интерпретанту, а значит, если следовать пирсовской дефиниции знака, не является знаком в полном смысле.

шении семиотического знания. Последовательный анализ исходных установок семиотического знания, их логическое развитие внушает отчаяние: имманентный для семиотики идеал полного знания в сущности отменяет знание, тотальность семиотического знания – как и всякая тотальность – приводит к самоотрицанию, к самоотмене.

По-видимому, именно фундаментальная незавершенность семиотического проекта обеспечивает ему дальнейшее существование, а неопределенность базовых понятий защищает от губительной авторефлексии. Можно надеяться, что семиотика, по-разному развиваясь в разных направлениях, когда-нибудь найдет третий путь и опровергнет высказанные здесь предположения.

Литература

Соссюр 1971 – Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. Ф. Ф. Холодовича. М.: Прогресс, 1971. С. 31-269.

Матурана 1996 – Матурана У. Биология познания / Пер. с англ. Ю. М. Мешенина // Язык и интеллект / Сост. и вступ. ст. В. В. Петрова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 416 с.

Maturana & Varela 1980 – Maturana H. R., Varela F. J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of Living. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Comp., 1980.

Peirce Ch. S. Collected Papers (CP). Vols. 1-6 / Ed. by C. Hartshorne & P. Weiss; Vols. 7-8 / Ed. by A. W. Burks. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1931-1958.

Peirce 1988 – Peirce Ch. S. Naturordnung und Zeichenprozess: Schriften über Semiotik und Naturphilosophie / Mit e. Vorwort von I. Prigogine; Hrsg. und eingel. von H. Pape; Übers. von B. Kienzle. Aachen: Alano-Verl., Rader-Publikationen, 1988.

Semiotic 1977 – Semiotic and Significs: The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby / Ed. by Ch. S. Hardwick. Bloomington; London: Indiana Univ. Press, 1977.